

Цзян Шаочжи вернулся в Медицинское бюро, уложившись точно в секунду. Первая процедура очистки Тун Цинхэ была завершена. Когда его вывезли, он все еще спал.

Из-за случившегося наставники Тун Цинхэ собрались вокруг него. Пришли также пожилые профессора и маленький робот Семь-Три. В комнату набилось много людей, но никто не приближался к пространству, очерченному вокруг Цзян Шаочжи. Посмотрев на Тун Цинхэ, они поспешно вышли из комнаты.

После того, как лекарственный человек ранил Тун Цинхэ, дело должно было перейти в Медицинское бюро. Уже прибыл человек из высших кругов, чтобы вступить в переговоры с Цзян Шаочжи. Цзян Шаочжи занял жесткую позицию, настаивая на тщательном расследовании дела и привлечении лекарственного человека к ответственности. Человек, ведущий переговоры, был переведен из нижних эшелонов Федерации. Помимо пожилых профессоров с многолетним стажем в Бюро, он отвечал за все остальные вопросы.

Продвинувшись по службе, он обладал немалой хитростью и умением плести интриги. В его словах, обращенных к Цзян Шаочжи, даже очевидные вещи казались запутанными.

— Генерал-майор, ваши люди еще не нашли лекарственного человека?

Цзян Шаочжи слегка нахмурился и тихо сказал:

— Да.

Собеседник усмехнулся:

— Они слишком быстрые. Они подписали контракт, получили столько денег, а потом передумали и сбежали. Генерал, если вы поймаете его, пожалуйста, сначала доставьте в Медицинское бюро. Иначе, оставаясь на свободе, он представляет большую угрозу безопасности.

Цзян Шаочжи сказал:

— Сбежавший эксперимент должен быть передан военным для разбирательства.

— Генерал, вы не знаете, — лицо этого человека омрачилось. — Лекарственный человек, который не прошел очистку, несет в себе вирусы, опасные для обычных людей. Даже если он немного вспотеет, контакт с его потом может вызвать побочные эффекты у окружающих.

Словно подливая масла в огонь, он намеренно заговорил о Тун Цинхэ:

— Супруг генерала пострадал без всякой причины. Все это из-за их злонамеренной мести.

Политическая арена всегда оставалась таковой. В переговорах правда смешивалась с ложью, и повсюду расставлялись ловушки. Слова, которые на первый взгляд звучали как искренняя

забота, на самом деле могли скрывать ловушку, полную ядовитых змей. Стоит ступить в нее, и ты либо не сможешь выбраться, либо потеряешь ногу в качестве расплаты.

Вот почему Цзян Шаочжи не любил официальные церемонии. Притворство и лесть были далеки от прямого и открытого боя на поле сражения.

Цзян Шаочжи приказал подчиненным проводить этого человека. Он поправил одеяло спящему Тун Цинхэ, собираясь тайно связаться с Цзи Ванем. В этот момент с базы пришло сообщение, что лекарственный человек покончил с собой.

Это было ожидаемо. Еще при встрече он заметил в глазах лекарственного человека желание умереть. Его мечты о большом доме и собаке рухнули вместе с уходом брата.

Внезапно в углу комнаты, где лежал Тун Цинхэ, раздался шорох. Казалось, Тун Цинхэ видел долгий сон. Сон был не из приятных. В его теле бушевало сплошное огненное море. Третья волна возбуждения заставила его вскрикнуть. Его горячие, потные ладони сжались в сухой ладони Цзян Шаочжи. Он приоткрыл веки, и в тот же миг рядом с ним что-то тяжело опустилось, и его обхватило чье-то тело.

Цзян Шаочжи нажал кнопку, чтобы запереть двери и окна. Он собрал каждую капельку пота омеги своими губами. Одеяла на кровати вздымались волнами.

Тун Цинхэ был в бреду, но приливы, которые волнами накрывали его тело, заставляли его инстинктивно преследовать Цзян Шаочжи. Закрытая комната наполнилась сладким ароматом жасмина. Это было похоже на нежный бутон, покрытый росой после дождя. Его не успели сорвать, а он уже дрожал от малейшего прикосновения, источая сладкий аромат. Его тычинки сокращались, он сжимался и, казалось, стеснялся.

Железа на шее, стертая камнями, опухла, и кожа покраснела.

Цзян Шаочжи коснулся вспотевшей шеи. Тун Цинхэ в полубессознательном состоянии повернулся набок, тяжело дыша на подушку. Когда он слегка пошевелился, омега в его объятиях тихонько застонал. Цзян Шаочжи оставался неподвижным. Тун Цинхэ был слишком измотан, и Цзян Шаочжи не хотел его тревожить.

Густой, сладкий аромат с легким горьковатым привкусом распространился по комнате. Тун Цинхэ долго держал руку Цзян Шаочжи, затем, закрыв глаза, снова уснул. Его тело прижалось к альфе. Скулы покраснели. Он был словно погружен в весеннюю воду.

Цзян Шаочжи долго смотрел на омегу в своих объятиях, затем отнес его в ванную. Он проверил температуру его лба — она все еще была немного повышена.

Разбросанные простыни и одежду убрали, чтобы отдать в обработку. Цзян Шаочжи распылил

очиститель феромонов. Когда Тун Цинхэ крепко уснул, он взял сигарету, закурил и молча встал у окна.

Тун Цинхэ был очень чувствителен к запаху дыма. Тонкий аромат сигареты, словно маленький жучок, заполз ему в ноздри, в легкие. Запах был очень слабым, но он тут же проснулся. Он глубоко вдохнул, его чистое, красивое лицо недовольно нахмурилось.

— Дядя, — Тун Цинхэ, еле волоча ноги, пошел к окну. Почти в тот же момент, когда он заговорил, Цзян Шаочжи затушил сигарету, которую только что закурил. Он вернулся в комнату, просунул руки под мышки Тун Цинхэ, поднял его, как ребенка, и вернул на кровать. Он сел, усадив его на одну ногу, и поправил его слегка влажные волосы. — Не нравится запах дыма?

Тун Цинхэ закрыл глаза и мягко потерся о шею альфы. Спустя долгое время он произнес:

— Не кури.

Цзян Шаочжи не был зависим от никотина. Он был очень строг к себе. Но сегодня, из-за личных переживаний, ему захотелось выкурить сигарету.

Он посмотрел на железу на шее, которая выглядела жалко. Мягкая плоть была стерта до волдырей. Он крепче обнял Тун Цинхэ:

— Ты настрадался.

Тун Цинхэ посмотрел туда же, куда смотрел Цзян Шаочжи:

— Все в порядке. Когда намажу лекарством, не будет больно. — Он все же спросил про лекарственного человека: — Что с человеком, который меня ранил?

Цзян Шаочжи спокойно сказал:

— Он покончил с собой.

— Почему? — Тун Цинхэ был добросердечным ребенком. Семейная обстановка, учеба и работа были дружелюбными и мирными. Он не мог понять, почему этот человек решил покончить с собой после того, как ранил его.

Бандит был для Тун Цинхэ чем-то диковинным. Его одолело любопытство, и он схватил Цзян Шаочжи, не отпуская:

— Почему?

«Счастье дураков» — это, вероятно, про Тун Цинхэ. Недавно он кричал от боли, а теперь раны еще не зажили, но боль уже забыта. Цзян Шаочжи взял его за тонкое, белое запястье:

— Есть вещи, о которых тебе лучше не знать.

Цзян Шаочжи не хотел втягивать в жизнь Тун Цинхэ эти жестокие, темные интриги. Он предпочитал, чтобы Тун Цинхэ всегда был невежественным и счастливым, занимался любимой работой. А если не хотел работать, то мог бы просто читать книги дома. Цзян Шаочжи был готов отдать ему все, лишь бы Тун Цинхэ никогда не выросл, не думал о сложном мире. Он не хотел, чтобы этот день настал.

Цзян Шаочжи в нескольких словах создал для Тун Цинхэ надежную крепость, защищенную от бурь. Тун Цинхэ не до конца понимал смысл его слов. Внезапно он почувствовал, что его прижали к подушке, и услышал, как альфа сказал:

— А теперь спи.

Ладонь Цзян Шаочжи намеренно массировала некоторые перенапряженные места:

— Не устал?

Лицо Тун Цинхэ и без того было красным. Когда Цзян Шаочжи спросил его, он кивнул, решив быть честным:

— Устал.

В конце концов, в плане интимной близости Цзян Шаочжи всегда придерживался звериного стиля. Как бы нежно он ни начинал, в конце концов он приносил Тун Цинхэ только бурные волны.

Тун Цинхэ отдыхал два дня подряд. Проснувшись, он увидел, что Цзи Вань пришел его навестить. В тот момент он все еще лежал в объятиях Цзян Шаочжи, кусая его руку, чтобы съесть фрукт. Он был слишком избалован. Подумав, что он уже взрослый, он смутился, а затем понял, что его альфа слишком ему потакает. На протяжении нескольких десятков часов Цзян Шаочжи стал его руками, ногами и делал за него все, что требовалось.

С приходом Цзи Ваня Цзян Шаочжи временно вышел, чтобы заняться делами. Тун Цинхэ закрыл половину лица одеялом, его взгляд был робким. Цзи Вань покачал головой и улыбнулся:

— Я слишком занят, чтобы смеяться над тобой.

Тун Цинхэ медленно выбрался из-под одеяла и сел со скрещенными ногами рядом с Цзи Ванем.

Цзи Вань сказал:

— Я слышал, что тебя укусил лекарственный человек. Тебе лучше?

Тун Цинхэ показал Цзи Ваню свою укушенную руку. После обработки рана почти зажила. Если не присматриваться, трудно было заметить следы от зубов, вонзившихся в кожу.

— Люди из твоего Медицинского бюро сказали, что мне нужно пройти очистку от остатков лекарств в организме. — Во время очистки он находился под полным наркозом. Он лежал в очищающей камере полчаса и ничего не помнил.

— Цзи Вань, лекарственный человек умер. Ты тоже участвовал в тестировании?

Цзи Вань нахмурился:

— На самом деле, я только несколько дней назад услышал о существовании этой программы. Один из моих наставников случайно обмолвился, а потом просто рассказал мне об этом в общих чертах, когда я начал расспрашивать.

Высшее командование издало приказ об аресте лекарственного человека. После этого сообщения не только он, но и большинство людей в Медицинском бюро впервые услышали о существовании лекарственных людей.

Выбор крепких альф для тестирования, добровольное подписание контракта — на первый взгляд, это казалось разумным, но на самом деле было невообразимым. Особенно после инцидента с мстью сбежавшего лекарственного человека Цзи Вань, подумав, почувствовал, что что-то не так.

Тун Цинхэ посмотрел на Цзи Ваня, погруженного в размышления, и сказал:

— Лекарственный человек покончил с собой.

Цзи Вань поджал губы и промолчал:

— Мне все время не по себе.

— Ты не говорил, зачем им нужны эти испытания? Какие лекарства они тестируют? Если бы не была такая серьезная ситуация, почему лекарственный человек, подписавший контракт, решил мстить? Я спросил об этом своего наставника, но он хранил молчание и велел мне не быть любопытным ради моей же безопасности.

Чем более секретное дело, тем больше в нем подводных камней. Цзи Вань, казалось, случайно нащупал какую-то ниточку, но не осмеливался углубиться.

Тун Цинхэ ничего не знал:

— Я спрошу дядю.

Цзи Вань схватился за лоб:

— Не надо, — он усмехнулся: — Возможно, я слишком подозрителен.

Сегодняшние действия Цзян Шаочжи четко дали понять Цзи Ваню: не впутывай Тун Цинхэ в это дело. Если он снова побеспокоит Тун Цинхэ, это будет равносильно провокации Цзян Шаочжи.

<http://bllate.org/book/4/116>